

Эйшель Антонов

г. Архангельск

Икра пинагора

(Продолжение. Начало в № 8–9/2017)

Часть 3

Натура у Саша была не та, чтобы вот так просто сидеть и ждать, пока крёстный поймает для дедушки пинагора. Всё её естество требовало действия, сидеть на одном месте ей было недосуг. Воспоминания о детстве, когда она прыгала за пинагором на мелководье, навели её на одну интересную мысль.

– Дедушка, а можно я поеду на нашу тоню и поставлю сети? Там же всегда пинагор водился, вдруг и в этот раз мне повезёт и я поймаю его?

– Слаб, я, Санюшка, не смогу поставить сети-то.

– Дак я сама поставлю, ты токмо разреши.

– Как же ты одна-то? Далёко же до тонь-то.

– Дак я на моторке, одна нога тамотка, другая тутотка.

– Вот не знаю, справишься ли?

– Да справлюсь я, дедушка, не бойсь.

– Ладно, спаси тя Господи!

Саша чмокнула деда в щетинистую, как морской ёжик, щеку и поскакала на кухню.

– Бабушка, дедушка разрешил мне поставить сети.

– Совсем сбрендил старый, душа его окоянная, ребёнка на промысел послать.

– Дак я сама хочу, когда-никогда¹ в море бывала? Не упомяну.

– Отца море взяло, и ты туда же?

– А что, мне теперича сиднем дома сидеть? Господь жизнь дал, Господь и заберёт. У каждого свой час. Бури бояться – в море не бывать.

– Вишь как заговорила! Вся в деда. Не пушу!

Саша остановилась. Бабушка встала в дверях, широко разведя руки.

– Ну, бабушка, яшень² же на море.

– У нас яшень скорёхонько на бухмарь³ дорожку сменил.

– Дак я же быстро, погоды и поменяться не успеет.

– Всё одно не пушу.

Бабушка отошла от дверей. Сашенька прижалась к ней и заглянула в глаза.

– Когда-никогда рыбы-то пробовала?

– Да куплю я.

– На какие шишы? Деньгов-то в доме уж скока времени нет.

– И то правда.

– Надысь кого-нибудь поймаю, рыбник испечём.

– Ну ладно, токмо близ берега держись. В море не ходи! Поняла ли?

– Поняла, бабушка, спасибо! – Саша чмокнула большуху в полную щеку.

– Когда собираешься-то?

– Завтра, спозорану и пойду. Спроворю⁴ сети-то и домой. На моторке-то одноментно.

– Надоть тесто с вечеру поставить, ша-нежек напечь тебе. А то утрешни-то ушли все.

¹ Когда-никогда – точно не известно, когда; когда-то.

² Яшень на море – хорошая, ясная погода.

³ Бухмарь – пасмурная погода.

⁴ Спроворить – быстро выполнить намеченное дело.

Бабушка хоть и любила поворачать, но по натуре была доброй, отходчивой. И очень любила угощать соседей. Своих шанежками накормит и соседям отнесёт.

Саша встала спозорану. Хотя солнышко уже поднялось над морем, белы ночи-то больно коротки. Огромный оранжево-жёлтый диск висел над спокойной водой, небо было ясным. Всё предвещало хороший, погожий денёк.

Девочка выскочила на кухню. Бабушка уже успела истопить печь и выкладывала шанежки на противень.

– Доброе утро!

– Доброе, собирайся покамест, глядишь, и пироги поспеют.

Саша быстро умылась, надела рубашку и брюки. В платье-то хорошо, вольготно, да сети ставить неудобно – подол за сеть зацепиться может, да всю девку-то в море и стащит из лодки, а потом вылезти-то будет трудно без помощника.

Прошла на поветь. Взяла дедушкины батареи¹. Не всегда рыбак в лодке сидит, иногда приходится и в воду прыгать, чтобы сеть подправить или лодку на берег вытянуть. В батареях-то больно хорошо – ноги сухие, броди сколько хочешь.

Сети девочка приготовила с вечера. Жадничать не стала – взяла одну большую сеть со средней ячеей. Раньше-то она с дедушкой сети ставила, да проверяла. Вдвоём сподручнее. А тут – одна, надобно было попробовать первоазно.

Сети обычно дедушка ставил на Банёво – спокон веку эта была их родовая тоня. Сашенька отнесла вещи в моторку. Вода была большая². Маниха³, море скоротело. Надобно было спешить. Того и гляди отлив начнётся – ей будет одной не столкнуть моторку в воду. Девочка припустила к дому. Вбежала на кухню.

– Что это ты так запыхалась-то?

– Так маниха, спешить надобно.

– Ничего, успеешь. Поешь горяченького-то.

Девочка быстро управилась с завтраком, подхватила котомку с едой, обняла бабушку и побежала на берег моря.

– Божья Матерь впереди, Святой Николай позади.

Саша отвязала лодку, оттолкнула и запрыгнула с носа. Моторка, покачиваясь с боку на бок, медленно пошла в море. Девочка вставила вёсла в кочеты⁴ и стала грести. Надобно было подальше отойти от берега. Повинуясь вёслам, судёнышко пошло в море.

Отойдя на приличное расстояние, Сашенька осушила вёсла. Дедушкина лодка была оснащена мотором, потому и называлась «моторкой». Двигатель был старый, ещё советский и носил гордое официальное название УД-2, а домашнее – «топ-нога». Потому как для того, чтобы его завести, надобно было потопать ногой по рычагу.

В детстве Сашенька называла его «Ух, какой двигатель», хотя на самом деле в инструкции, как она потом прочитала, было написано «Ульяновский двигатель». Цифра «2» обозначала количество цилиндров. Мотор был небольшой, но достаточно мощный.

Нынче модно использовать подвесные моторы, да токмо на лодках в Лопшеньге такой мотор не поставишь – и нос, и корма у них острые. Двигатель был установлен ближе к корме лодки, а вал был пропущен через киль и заканчивался четырёхлопастным винтом.

Дедушка научил свою Санюшку обращаться с мотором. Туточки главное – последовательность операций. Если сделать всё правильно, то двигатель заработает, ежели напутаешь, то не запустится.

Перво-наперво девочка открыла кран бензопровода, нажала кнопку утопителя

¹ Батары – высокие сапоги до паха, иногда называются бродниками или забродниками.

² Большая вода – полный прилив.

³ Маниха – спокойная вода, момент остановки приливно-отливного движения воды.

⁴ Кочеты – деревянные штыри на бортах лодки, сейчас у большинства лодок заменены на уклочины.

поплавковой камеры и дождалась момента, когда бензин начал вытекать из-под колпачка утопителя. Затем она прикрыла воздушную заслонку карбюратора, повернув её рычажком в сторону поплавковой камеры.

Дальше наступало самое трудное – надобно было повернуть коленчатый вал пусковым рычагом. Туточки была нужна сила, а Саша была ещё девочкой, и силы у неё было не очень много. Она взяла хитростью – резко дёрнула ручку на себя, а потом всем телом нажала на него. Рычаг повернулся раз, другой, третий. Обычно дедушка больше трёх раз его не крутил.

«Надобно, чтобы бензин попал в цилиндры», – говорил он.

Сашенька присела, внимательно посмотрела на дроссельную заслонку и повернула ограничитель поворота в сторону метки «3». Подготовка была закончена. Девочка надела дедушкин большой сапог, расположила пусковой рычаг сверху, поставила сапог на рычаг, подпрыгнула и ногой рванула рычаг вниз.

Тишина. Снова установила рычаг вверх и снова прыгнула на него. Конечно, дедушка просто резко нажимал на рычаг, но ему то легко, он взрослый, у него ноги длинные и силушки много. А у Сашеньки и росту не хватало и силы не было.

В этот раз мотор чихнул, дёрнулся и заглох снова. Девочка повторила операции. Реакции не последовало.

«Видно, свечи бензином залило», – говорил в таких случаях дедушка.

Саша нашла в дедушкином рундучке ключ и вывернула свечи. Дело это оказалось также непростым – свечи пригорели, пришлось слегка постучать по ним молоточком. Девочка почистила и протёрла свечи насухо. Закрутила обратно.

Становилась жарко. Пока она возилась с мотором, лодку отнесло от берега.

«Недалеко. Если не заведу, то на вёслах легко обратно дойду».

Саша была девочкой упорной, и её не легко было сбить с намеченного пути. Она решила завести мотор, чего бы это ей ни стоило.

На третий раз мотор чихнул, двигатель дёрнулся и застучал.

– Слава богу! – сердечко так и прыгало в груди.

Девочка боялась притронуться к мотору, чтобы он не заглох снова. Но она помнила, что дедушка не давал мотору слишком долго работать вхолостую и всегда говорил: «Цилиндра-то у движка два, да первый-то вхолосту и без нагрузки работает плохонько, с ритму сбивается, нитку не ведёт¹».

Сашенька посмотрела на маслоуказатель – штифт уже вышел, значит, давление в системе смазки уже появилось. Пора было прикрыть заслонку, что она и сделала, повернув ограничитель на метку «0». Мотор заработал мощнее и стабильнее, увеличив обороты.

Девочка вновь спустила вёсла в воду, погребла, направив нос лодки на север. Дедушкина тоня была расположена на стрик побережника² к западу от деревни, но надобно было ещё обогнуть мыс Лопшеньгский.

– Пора, – решила девочка, осушив вёсла.

Она плавно спустила сцепление. За кормой забурило, двигатель натруженно загудел, и лодка медленно пошла вперёд. Сашенька села на скамейку, взялась за ручку руля и выровняла его.

Солнышко грело спину, лёгкий ветерок освежал лицо, мотор ровно тархтел, а лодка плавно шла вдоль берега, медленно уходя от деревни. Сашеньке было так хорошо, как раньше, когда они ходили вместе с дедушкой. Она тогда рулила, а дедушка сидел на носу и улыбался ей.

Воспоминания нахлынули, увлажнив глаза. Как Саша не крепилась, а предательские слёзы всё-таки вышли из глаз. Надо было отвлечься. Тут-то девочка и вспомнила про дедушкин секрет.

¹ В нитку вести – песню петь ровно, плавно, не теряя мелодии и ритма.

² Стрик побережника к западу – NWtW, норд-вест-тень-вест, северо-запад-тень-запад, 27 румб = 303,75°. Побережник – северо-западный ветер.

Мотор работал на бензине, которого в деревне было днём с огнём не найти. Большая часть техники как в колхозе, так и у военных работала на дизельном топливе. Даже электростанция и та работала на солярке. Ведь у них был не город, и электрические провода к деревне не подходили. А электричество поступало от собственного дизель-электрогенератора, который работал круглосуточно. И лишь только приезжие обращали внимание на его тарыхтение, а местные давно уже привыкли и никаких звуков от электростанции не слышали. А вспоминали про неё только тогда, когда в домах пропадал свет.

Бензин дедушка берёт как зеницу ока, а двигатель приучил работать на солярке. И стояло у него на моторке два бака: один с бензином, а другой с дизельным топливом. Когда двигатель достаточно хорошо прогрелся, дедушка переключал краник, заменяя бензин на солярку. Обманутый двигатель продолжал работать на дешёвом топливе. Надо было только не забыть перед остановкой переключить его работать обратно на бензин.

Саша повернула краник. Прислушалась к стуку мотора. Ничего не изменилось. Двигатель продолжал тарыхтеть, как раньше. Только дыма из выхлопной трубы стало поболее.

Моторка медленно, но уверенно двигалась вдоль берега. Показался мыс Лопшеньгский. От самого Пертоминска до Лопшеньги берег был низменный. А здесь на мысе были горы, пологими холмами доходившие до самого моря. В горы Саша с дедушкой ездили косить сено, чтобы кормить коз и овец. На самой высокой точке, метров сто над уровнем моря, в лучах утреннего солнца поблескивал навигационный знак. В этом месте был поворот на Летнюю Золотицу, и знак указывал кораблям, что пора делать поворот. Сашенька тоже повернула руль, и моторка стала плавно огибать мыс.

Над горами повисли маленькие белые тучки, как будто барашки разбежались по

склону. У Сашеньки тоже был свой собственный барашек.

Все овцы в деревне были чёрные или тёмно-серые. Когда девочке было лет шесть от роду, она находила смотреть на окотовцы Серки. Два ягнёнка родились очень быстро – один за другим. Овца облизала их, и они лежали рядышком на сене, тихо помекивая. Сашенька гладила их по головкам, разглаживая ещё мокрую шелковистую шерстку.

– Не скучно тебе, Санюшка?

– Нет, дедушка, я ягнёночков глажу.

– Вот и ладно, сейчас-то послед выйдет и пойдём, пушай Серка отдохнёт.

Но Серка тужилась, то жалобно бляла, то громко, а послед никак не хотел выходить. Она так измучилась, что валилась с ног.

– Что с ней, дедушка?

– Да вот и не знаю, то ли послед прирос, то ли третий ягнёнок не выходит. Был бы ветеринар, как в прежние времена в колхозе, то позвали бы врача, а ныне нету у нас специалиста в деревне.

Овца жалобно забляла, передние ножки подогнулись, и она упала на колени мордой в сено.

– У-у-у, трескова печень, исдохнет ведь овца-то!

Дедушка обхватил овцу поперёк туловища левой рукой, прижал к себе и стал шелудить правой рукой. Овца заорала и стала вырываться, перебирая всеми четырьмя копытцами. Но мужчина не останавливался.

Раздалось жалобное «Бе-е-е», и на белый свет показался ягнёнок. Он был абсолютно белый, ни единого чёрного пятнышка. Дедушка отпустил овцу. Она тут же рухнула на пол стайки.

– Вот ведь, трескова печень, точно ягнёнок. И ведь не головкой шёл, а попкой. Ни в жисть бы ей самой не родить. Издохла бы.

– Белёк, – Сашенька протянула руку и погладила головку ягнёнка.

Он был весь в слизи вперемешку с кровью. Дедушка положил малыша к морде матери. Она отвернулась. Переложил с другой стороны – та же реакция.

– Устала, трескова печень. Ничего, оклемается и оближет.

Дедушка взял пучок сухого сена и вытер ягнёнка насухо. Подхватил немного овечьего помёта и в нескольких местах помазал малыша. Сашенька сморщила носик:

– Зачем?

– Чтоб духу чужого не было, ягненок должен пахнуть матерью.

Овца вскочила, поднатужилась, и послед вышел.

– Ну вот и ладно, исход хороший. Пойдём, Санюшка.

– А ягнёночек?

– С матерью останется, дитю надобно с матерью перво-наперво быть.

Саша помахала ягнёночку ручкой, и они ушли в дом. Только душа у девочки всё беспокоилась: «Как там Белёк?»

– Дедушка, а пойдём посмотрим, как там ягнёночки.

– Пойдём, внученька.

Они спустились в хлев. Овца стояла, два черных ягнёнка, повиливая маленькими хвостиками, стояли на тоненьких ножках мордочками вверх и сосали молоко. Сосков было всего два. Белый ягненок лежал в сторонке, силясь встать на ножки, но падал обратно и жалобно блял.

– Издохнет, трескова печень.

Дедушка взял Белька, поставил его на ножки, послонявил палец, поднёс к роту малыша, раздвинул ему губы и засунул палец в ротик. Отодвинул чёрного ягнёнка. Раздался звонкий «Чмок!». Ягненок проблеял и стал тыкаться мордочкой, ища сосок. Мужчина поднёс мордочку белого ягнёнка к соску и вытащил палец. Ягненок ухватился за сосок.

Серка взбрыкнула, лягнула малыша задней ногой и засакала по стайке, как безумная. Саша только-только успела выскочить и захлопнуть дверцу.

– Дедушка!

Мужчина подхватил Белька на руки и тоже вышел вон. Закрыв дверцу на вертлюжок.

– Отказалась, трескова печень.

– Как отказалась?

– Вишь, выкобенивается. Не приняла за своего. Вылизывать отказалась. Не кормит. Загубит.

– И что делать будем?

– Надо самим вываживать.

Так малыш переселился из хлева в дом.

Бабушка доила козу, а Сашенька поила ягнёночка из пипетки молоком. Чтобы не замёрз, спать его укладывали на русской печи. На кирпичях лежали старые тулупы из овчины. Печь топили с утра, а тепло в ней держалось до следующей топки. Девочка любила лежать на печи, там было тепло и уютно. Рядом с ней лежал маленький беленький комочек.

Ягненок быстро окреп, и уже скоро они с Сашей носились по всему дому с диким визгом и топотом. Точнее, это Саша звонко издавала боевой клич, ягненок издавал тонкое «Бе-е-е» и цокал маленькими копытцами по крашеному охрой полу. Иногда он поскользнулся, падал и катился по полу. Сашенька тоже падала и скользила по гладкому, как лёд, полу, наступала Белька, прижимала его к себе, закутывая носик в шелковистую кудрявую шерстку.

– Негоже ягнёнку в доме жить! Его место в хлеву.

– Ну, бабушка, пожалуйста. Я буду сама за ним убирать.

Но бабушка была неумолима. Ягненок был уже большенький, и в доме появился своеобразный запах, а вот запахов бабушка не переносила. Дедушка отнёс Белька в хлев, сделав ему отдельную малюсенькую стайку.

Сашенька ходила к нему в гости, поначалу кормила его молоком из бутылочки, а потом прикармливала чёрным хлебушком с солью. Малыш быстро вырос в красивого баранчика.

По весне всех овец стригли. Обычно это делали одним днём. Накануне их не поили и не кормили. Стрижкой занимались мама и бабушка. Одна держала овцу, а другая орудовала большими ножницами, срезая пластами шерсть, оставляя поверхность, похожую на мелкую рябь на море.

Овцы бляли, вырывались, высоко задирая длинные тонкие ноги. Мама с боль-

шим трудом их удерживала, особенно когда стрижка подходила к концу. В начале-то стрижки овцу можно было держать за шерсть, а в конце ухватиться было не за что.

Белька Сашенька держала сама. Она разговаривала с ним, пока бабушка снимала яретинок¹. Эта шерстка самая тёплая, мягонькая и пушная. Бабушка отложила её отдельно, спряла и связала девочке варежки и носочки. С тех пор Сашенька модничала в белом. У всех на деревне рукавички были чёрны да серы, а у неё белые – мягкие и пушистые.

По первой травке стадо выпустили на вольный выпас, но тут опять случилось непредвиденное. Старый матёрый баран Борька невзлюбил белого молодого барашка. Не успел тот выйти на вольный воздух и полюбоваться на яркое солнышко, голубое небо и зелёную травку, как получил сильнейший удар в бок. Белёк отлетел к ограде, перевернулся и ошалело посмотрел на хозяина стада. Медленно неуверенно встал на ноги. А Борька готовился к новому удару.

– Дедушка, дедушка, Борька Белька убивает!

Молодой барашек получил новый удар, не успев повернуться лбом к барану. Хорошо, что подоспел дедушка, а то бы забил старый молодого насмерть. В стадо Белька не взяли, и он стал везде бегать за Сашенькой. Она его выгуливала, чтобы он поел травки, да и так просто они везде ходили вместе по Лопшеньге – две ослепительно белые головки.

Барашек быстро подрастал, у него выросли маленькие рожки, и скоро он уже превратился в красивого ярко-белого барана, ростом почти по Сашину талию. Он везде ходил с девочкой, но, если уж заупрямится, то сдвинуть с места его она уже не могла. Приходилось действовать уговорами.

В один из дней на Сашу напала собака. Пёс был большой, чёрно-коричневый. Он скалил белые зубы с огромными клыками, его коричневые глаза горели огнём. Девоч-

ка не на шутку испугалась. Бежать было некуда, пёс прижал её к забору. Она вжалась в забор, вытянувшись в струнку. Можно было попробовать перепрыгнуть через забор, но пришлось бы повернуться к псу спиной, и тогда б он точно вцепился ей в ляжку.

Кто-то, как молния, выскочил из-за поворота забора и со всего маха ударил пса в бок. Собака завизжала и бросилась на обидчика. Белёк, а это был именно он – Сашенька его сразу узнала, – развернулся, низко наклонил голову, упёрся копытцами в землю и, разгоняясь, пошёл на пса. Удар лбом пришёлся точно в нос. Со страшным визгом собака пустилась наутёк.

По всей видимости, она никак не ожидала, что баран может напасть. Обычно в деревне собаки гоняли овец. Порой целое стадо голов в десять, а то и поболее носилось по деревне, убегая от собаки.

– Белёк, умничка, спас свою хозяйку!

Сашенька обняла баранчика за шею, гладила и целовала. С тех пор она уже никогда не боялась. Да и кого в деревне бояться? Разве что какой-нибудь бык сорвётся с привязи или собака с цепи. Тихо в деревне, спокойно.

Осенью, когда они копали картошку, Белёк припомнил Борьке старую обиду. Схлестнулись они в поединке. Сашенька хотела вмешаться, но дедушка её остановил. Борька бил сильно, но молодой баран не уступал, упорно идя в лобовую атаку. Вес у него был меньше, а вот упорства поболее. Раз за разом сходились они, только треск стоял от удара лбами, и через некоторое время Борька начал качаться, а потом и вовсе Белёк уцепил его рогом и повалил.

– Надобно Борьку-то зарезать на зиму, – решительно сказала бабушка.

– Почему? – спросила Сашенька.

– Зачахнет с горя да исдохнет. А у нас теперича молодой баран есть. Таков закон природы – выживает сильнейший.

С тех пор Белёк стал главным в стаде.

¹ Яретинка – шерсть с молодой овцы.

И гулял он теперь с овцами, а Сашенька пошла в школу, где у неё появились новые друзья.

За воспоминаниями Сашенька и не заметила, как прибыла в Загорье. Показалась дедушкина тоня. Девочка переключила краник с солярки на бензин и повернула к берегу. Ближе к тонé она перекрыла топливный краник совсем. Мотор немного поработал и заглох. Лодка зашипела килем по песку и уткнулась в берег. Девочка выскочила, прихватив кошку¹, к которой была привязана верёвка с носа лодки. Пробежала вглубь до линии прилива и воткнула зубья кошки в песок.

Изба на тонé у дедушки была рублёная, крыша крыта рубероидом. В прошлые годы избу не закрывали, токмо приставляли палку к дверям. Для всех было понятно: «Раз палка стоит, то хозяина нет, заходить нельзя». Теперича шальных людишек много стало, приедут на лодках с подвесным мотором, взять-то ничего не возьмут, брать-то нечего у рыбака – спички да соль, а напакостят токмо, потом прибирайся за ними. Потому стали избы на замок запирасть. Замок-то шуточный, да, может, кого и остановит.

Сашенька открыла замок выданным дедушкой ключом. Перво-наперво вытерла пыль, вымела песок. Затапила железную печурку, сходила за водой на ключ около соседнего холма и поставила чаю.

После длительного перехода хотелось пить. Воды-то она напилась на ключе, но разве же рыбак водой напьётся? Ему чаю подавай. Привычка хуже неволи. Пока чайник закипал, Сашенька сходила до лодки и принесла сложенный бабушкой провиант.

Заварила свежего чайку и с удовольствием поела и попила. В тенёчке на скамейке у избы было больно хорошо. Лёгкий свежий бриз с моря шевелил чёлку и остужал кожу. Небо было синее-синее и по нему скакали маленькие барашки.

Так бы вот и сидел бы целую вечность на берегу моря и смотрел вдаль, но нельзя, надобно дело делать. Саша вытащила из-под навеса несколько колевок и погрузила в лодку. Затащила кошку, смотала верёвку, оттолкнулась ото дна, упираясь в борт, и запрыгнула в лодку.

«Рыба на приливе к берегу идёт. Да не просто так, а по проторенным дорожкам вдоль дна. По каменным грядам не ходит, а токмо по песчаным ручьям. Коли хочешь рыбу споймать, ищи ручьи, Санюшка!» – напутствовал девочку дедушка.

Сашенька примерно помнила, в каком именно месте дедушка ставил сети. Она развернула лодку, активно работая вёслами, и направилась в море. Отойдя недалеко от берега, она стала внимательно смотреть в воду.

Вода была прозрачной. Местами попадались камни, между ними блестел песок. На нём то тут, то там росли водоросли. Чуть далее в море камней было поболее. На камнях ярко выделялись морские звёзды. Гряда была почти сплошной.

Сашенька проплыла вперёд, показалась следующая тоня. Это уже была чужая территория. Рыбаки строго блюли интересы друг друга и никогда не ставили сети на чужом участке. Девочка развернула лодку.

«Куда же пропал ручей? Не могло же его замывать песком и забросать камнями. Море, конечно, всемогущее, но обычно ярит ближе к берегу, а поглубже камни не ворочает», – грустные мысли только травмировали душу.

Девочка стала чаще останавливаться и внимательней всматриваться в воду.

«Господи, неужто я вот так и уеду, ничего не сделав для дедушки? Почему же мне так не везёт?» – на глаза навернулись слёзы.

Солнце слепило. Сашенька стала смотреть от солнца по другому борту лодки. Ручей появился внезапно. Узкий проход всего в несколько метров шёл под углом к берегу. Потому она и не смогла его увидеть, когда двигалась в ту сторону. На обратном

¹ Кошка – здесь: якорь.

пути угол был таким, что ручей стал прекрасен виден.

Саша оценила проход. Он и был узким и извилистым, поэтому перекрыть сеткой его было весьма затруднительно. Сеть была длиннее, чем ширина ручья. Девочка прикинула, что сеть лучше расположить не просто поперёк ручья, а углом. Тогда рыба, наткнувшись на сеть в боковых крыльях, будет стремиться к центру, а там запутается в ячеях.

Прилив к тому времени закончился. Маниха была как нельзя кстати. Одной Сашеньке управлять лодкой и работать было несподручно, если вода относит тебя от берега. А при стоячей воде она могла спокойно орудовать.

Наметив воображаемую линию сетки, девочка стала втыкать кол в самое начало. Но не тут-то было. Кол наткнулся на камень и никак не хотел входить. Испробовав несколько мест, она наконец-то нашла песчаное дно. Но и тут кол начал изгибаться и пружинить, лодка уходила из-под ног, того и гляди, морская пучина грозила поглотить Сашу. Мал-помалу ей удалось загнать кол в дно. Повторять операцию у неё желания не возникло.

Сашенька вернулась к берегу. Надо было торопиться. Того и гляди начнётся прилив. Девочка размотала сеть по песку и сложила её на дно лодки волнами, нанизывая верхнюю часть веревки с поплавками на рогулину. Закрепила рогулину на кочете. Отплыла чуть дальше в море от первого кола. Скинула в воду грузило. Погружаясь, оно потянуло за собой верёвку. Прикрепила верёвку к колу. По этому колу даже издали можно было легко определить, где поставлена сеть. Осторожно работая вёслами, стала травить сетку в море, двигаясь вдоль

берега. Верёвка легко соскальзывала по рогулине и тянула сеть в море. Один за одним нижние кольца звонко шлёпались в воду.

Вытравив всю сеть, Саша бросила грузило на другом конце ручья. Прикрепила к середине сетки третье грузило и немного отгрэбла. Когда сетка натянулась, она бросила грузило. Поплавки сетки плавали на поверхности, кольца тянули сеть вниз, распрямляя её.

Довольная своей работой Сашенька причалила к берегу и пошла отдохнуть в избу. Там она снова выпила чаю, поела, оставив часть припасов на непредвидимый случай и засобиравшись домой. Ждать у моря погоды не было смысла. Проверять сети надо было на следующий день, а оставаться одной на ночёвку в пустой избе не входило в её планы.

Девочка вышла на берег. Всё ещё было тихо, как утром, только появилась слабая рябь на воде. Справа от избушки на краю прибоа лежали два длинных брёвна.

«Отличные брёвна, дедушке пригодятся», — девочка немного подождала, пока брёвна полностью окажутся на плаву и зацепила их верёвкой к корме лодки.

Конечно, плыть с брёвнами на буксире было значительно труднее и медленнее, но не бросать же отличный строительный материал здесь на берегу. Рыбаки в Лопшеньге всегда кормились морем, добывая там рыбу и мясо, прихватывая и дерево для стройки. В местном-то лесу деревья все были низкорослые, кривые да скрученные, морской ветер не жалел никакое деревце, нещадно ломая и скручивая.

Саша твёрдо решила приплыть домой с добычей. Пусть не с рыбой, так хоть со строительным лесом.

(Продолжение следует)